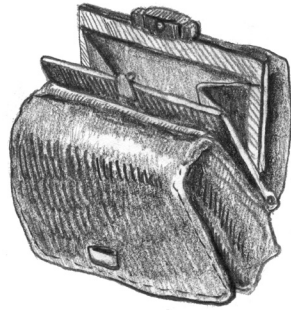

*Саше Плаксиной,
моему первому читателю
и единомышленнику*

СТОПКИ ЗА ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ

— Это на дорогу, — сказала мама и достала из шкатулки несколько сотен рублей. — А это неприкосновенный запас. — И она добавила увесистую пачку. — Полина тебе его в брюки зашьёт.

— Ого! — сказала я. — Так много? А сколько тут?

— Двадцать тысяч, — ответила мама. — На всякий пожарный.

— Ничего себе!..

Шкатулка хранилась в нижнем ящике тумбы. За шкатулкой копились советские купюры и купюры девяностых, уже вышедшие из употребления. Скрепки, монетки, потёртые записки, инструкции к бытовой технике. Кожаный бумажник со старыми квитанциями, который родители называли непонятным словом «гомонок».

Мы с сестрой иногда приводили в порядок содержимое ящиков, но никогда не знали, сколько денег лежит в шкатулке и сколько там вообще может лежать. Сколько зарабатывает мама. Время от времени она выдавала нам на наши просьбы и мелкие нужды, но такой

крупной суммы в руках ни я, ни сестра ещё никогда не держали. На двадцать тысяч можно было раз пять съездить до Питера и обратно. Или одеться с ног до головы. Или... Даже фантазии не хватало, что можно сделать с такими деньжищами.

— Поля! — сказала мама сестре. — Пришей ребёнку внутренние карманы. Так, чтобы она не потеряла эти деньги.

— Ребёнку! — проворчала Поля и закатила глаза. — Этому ребёнку уже восемнадцать лет, между прочим...

— Всё равно, — настояла мама. — У тебя лучше получится.

— Ладно, давай сюда штаны, в которых поедешь... — буркнула мне сестра, вздохнула и пошла за швейными принадлежностями.

Сестра разделила двадцать тысяч на две равные части, каждую завернула в полиэтиленовый пакетик и эти пакетики надёжно пришила по обе стороны внутри, под передними карманами. Затем примерила на меня брюки с этой конструкцией и велела поприседать, чтобы понять, шуршат деньги или не шуршат.

Деньги молчали.

Так семья снаряжала меня в дорогу. Я собрала папку с рисунками, в сумку положила смену одежды, Хармса, атлас Петербурга, дорожные мелочи и продукты. К покорению Северной столицы готова!

А ещё у меня с собой была банковская карточка с двумя тысячами. Это папа сказал: давай, мол, сходим в Сбербанк и просто заведём тебе карточку. Положим на неё для начала две тысячи. Вдруг пригодится?

Маме я об этом не говорила — мама про папу ничего слышать не хочет уже много лет. Мне при ней даже слово это сложно произнести — «папа».

В поезде оказалось, что деньги жгут ляжки. В буквальном смысле. Ноги под брюками потели в летней духоте, пакеты прилипали, но снять брюки и переложить деньги в сумку было немыслимо. «В поезде ни с кем не разговаривай! Вещи не оставляй без присмотра! На остановках не выходи! И не вздумай у бабок на перроне еду покупать — точно ни до какого Питера не доедешь», — звучали у меня в голове мамыны напутствия.

Жажда свершений меня переполняла. Впереди город мечты, и я не турист — я абитуриент! Вот поступлю в Муху, стану художником, буду иллюстрировать книжки. Гулять по набережным, по Невскому! По внутренним дворам, по крышам! Всегда с карандашом и бумагой, всегда на пленэре!

В таком восторженном состоянии я высадились на площади Восстания через трое суток пути. У меня была записка с двумя адресами: Мухинским в Соляном переулке и адресом друзей моей родни. Добрые знакомцы, почти-родственники, согласились меня приютить на случай, если возникнут какие-то проблемы с общежитием.

Сначала я решила заглянуть к почти-родственникам, чтобы привести себя в порядок и в Муху явиться при параде. В троллейбус садиться было страшно, и я пошла пешком до Дегтярного переуллка, сверяясь то и дело с атласом. Мне открывался новый мир. Не хватало взгляда, чтобы всё охватить: хоте-

лось рассмотреть все портики и колонны, завернуть в каждую подворотню, зайти в каждый магазин, изучить каждое окно и узнать: каково это — быть петербуржцем? Как им живётся?

Почти-родственникам жилось хорошо. Уютная квартира в старом доме, но с прекрасным ремонтом. Тишину двора нарушают только кроны деревьев и вороны. Суета на пороге, возгласы, улыбки, мои вещи подхватывают, меня поят чаем, отгоняют от меня бассет-хаунда Бриджиту, учат пользоваться в ванной газовой колонкой — и вот я уже среди своих. В ванной я наконец оторвала деньги от брюк и переложила в сумку.

Даша и Женя, молодая пара, расспрашивают меня про жизнь и рассматривают мои рисунки. «Удачи!» — желают они и провожают меня в первый поход на Муху.

Конечно, в Муху идти немного страшно. Я никакого представления не имею, что там за уровень. Вдруг там все как Репины рисуют? Пока сидишь в Томске, о таких вещах имеешь очень отдалённое представление. Чтобы узнать адрес Мухи, мне пришлось идти в единственное томское интернет-кафе и тыкать по клавиатуре одним пальцем. И не с первого раза я добилась толку: оказалось, что Муха — она уже и не Муха никакая, а Академия имени барона Штиглица.

Соляной переулок — пешеходная зона. Вот она, слева, Муха. Красивая! Надо собраться с духом.

Собраться с духом я решила в кафе напротив. Называлось оно «Муха-Цокотуха» и было украшено кованой ажурной вывеской. Ступеньки ведут вниз,

дом такой старый, что врос в землю. Маленький зальчик на три столика и официант с меню. Цены жуткие! Но отступать некуда, я уже села. Самое дешёвое — омлет за двести рублей. За двести рублей! Вот так Питер... А если и дальше так пойдёт, что останется от моих денег, выданных на всякий пожарный? Надо, наверное, не ходить в кафе, а ходить в магазин и готовить самой... Ну ладно, один-то раз можно, если уж пришла...

Первый раз с момента отъезда я достаю кошелек и трачу деньги. Первый оплаченный омлет как будто связывает меня с этим кафе, с этим переулком, с этим городом. Я вступила с ним в товарно-денежные отношения. Вот буду лет через десять проходить мимо вывески и говорить: «Это первое место, куда я зашла... Помню, заказала омлет за двести рублей!..» И никто уже даже не сможет оценить, дорог или дешёв был тот омлет: инфляция всё спутает и сотрёт.

Омлет меня укрепил, и вот наконец я решаюсь переступить порог Академии. В холле торжественно: колонны, эхо и прохлада... А на втором этаже затрапезно: запах гуаши и влажной глины, стены облуплены, вымазаны краской, в углах пыльно, мусорные корзины переполнены палитрами, с которых стекает краска. Но, пожалуй, так и должен выглядеть храм искусства.

Для допуска на экзамены нужно было показать свои работы. Я с волнением выложила рисунки на пол в приёмной комиссии. Щуплый сутулый преподаватель, от которого несло винными парами, осмотрел и допустил.

— Где вы учились?

— В Томске, в вечерней художке.

Почему он спросил? Наверное, понравились работы!

Ободрённая, я разузнала расписание экзаменов. На несколько дней моя жизнь была предопределена. Оставалось только заселиться в общежитие.

Муха располагается в центре Петербурга, а вот мухинская общага — на самой его окраине. Долго-долго едешь в метро, а потом петляешь ещё минут двадцать на маршрутке. Я вцепилась в атлас и считала повороты, чтобы не проехать нужную остановку.

От вертушки вахтёра я прошла к коменданту, у двери которого происходило небольшое столпотворение.

— Мест нет! От меня лично вы чего хотите? — надрывался комендант. — Некуда вас селить!

Абитуриенты напирали и требовали заселения.

— Как некуда? — прошептала я. Ехать обратно к Даше и Жене совсем не хотелось: я уже попрощалась. Да и как бы я их предупредила, что заявлюсь на ночь глядя? Никаких жетончиков для автоматов я купить не догадалась.

Видимо, лицо моё сильно исказилось, потому что какая-то девушка спросила участливо:

— Ты одна? Тебя как зовут?

— Я одна. Я Таня.

— А я Алёна. Нам с папой дали комнату. Хочешь с нами? — спросила она и дёрнула за руку рядом стоявшего мужчину: — Пап, давай к себе Таню возьмём?

— Да я что, разве против? — улыбнулся папа. — Вдвоём вам повеселее будет. — И обратился ко мне: — Зови меня дядей Володей.

В лифте я рассмотрела моих спасителей: оба они были невысокими, как и я. Разрез глаз у обоих азиатский — я могла бы сойти за вторую дочку. Дядя Володя похож на Караченцова. У Алёны веки полуприкрыты, губы пухлые. Выражение лица немного сонное, или, как бы сказали в старых романах, томное. Пышные волосы и спортивная фигура.

Комната оказалась бедной: две кровати, пустой шкаф в стене, стул, табурет. Из очевидных достоинств — балкон с видом на закат. Дядя Володя огляделся, велел нам располагаться, а сам исчез.

— Щас всё будет, вот увидишь, — улыбнулась Алёна. — Папа у меня мировой, с ним не пропадёшь.

И мне стало спокойно. Как всё отлично складывается! Я доехала. Деньги не потеряла! Не заблудилась! Нашла и почти-родственников, и Муху. До экзаменов допустили! До общаги доехала. И эти милые люди взяли меня под крыло, да ещё и мировой папа сейчас всё устроит.

Через полчаса дядя Володя принёс матрасы и бельё, раскладушку, электрическую плитку в одну конфорку, чайник и кастрюлю. Мы извлекли из сумок остатки припасов и заварили чай.

— Ты откуда?

— Я из Томска.

— А мы из Ноябрьска. Это Ямало-Ненецкий автономный округ.

И потекла беседа. Потом из папок доставались рисунки. Строились планы.

Дядя Володя ещё несколько раз пропадал и появлялся. Принёс продуктов. Вкрутил лампочку. Разузнал, как принимать душ в раковине, пока душевые закрыты.

Мы тарасили глаза и прикрывали рты ладошками:

— Как так в раковине?

— Очень просто: запираетесь в туалете, вставляете шланг в кран — и вперёд... В полу слив, так что лить можно прямо на пол...

На самом деле нам всё это, конечно, нравилось. Так, наверное, и должна была быть устроена общага храма искусства.

Кроме того, меня согревало временное удочерение. Нет, мой папа тоже много чего умел: не только вкручивать лампочки, но и делать ремонт и даже строить дома́. Но папа не жил с нами с моих шести лет. С тех пор как родители развелись, он присутствовал в нашей жизни как-то пунктирно. Дома он строил уже в каких-то других местах, а баня на нашем огороде так и осталась непокрытой. Конечно, с тех пор прошло много лет, и я не могла сказать, что каждый день так уж страдала из-за развода родителей. Но это была какая-то трудная тема, слепое пятно. Ни папа, ни мама ничего не могли нам с сестрой объяснить — что случилось и почему именно они развелись.

Запретная тема парализовывала меня всякий раз, когда я собиралась что-то спросить. Не потому, что говорить запретили. А потому, что просто это всегда висело в воздухе и было понятно без слов: нельзя, не говори, не спрашивай, лучше не трогай.

Начались экзамены. Мы с Алёной поступали на разные факультеты, и я оказалась одна среди конкурентов. Испытания проходили в гробовой тишине: конкуренты только бросали порой хмурые взгляды на рисунки соседа. Я тоже поглядывала.

Чужие работы меня смутили. Гипсовую голову все рисовали так, как будто она состояла из проволочных каркасов. В натюрморте никто не соблюдал границы предметов — все мазали пятна так и сяк, и в этой массе сложно было распознать, что это — бутылка, ваза или деревяшка. А мы-то в художке стремились к реализму...

Но самые большие проблемы начались на композиции. Первое же задание — составить композицию из дорожных знаков — я поняла как-то по-своему. Пыталась придумать смысл и сюжет этой самой композиции, сделать её символичной. А соседи просто располагали знаки на листе, чтобы было красиво.

Кажется, что-то я делала не так. Своими тревогами я делилась вечерами с Алёной. Алёна тоже пребывала в унынии.

— В общем, Танюха, я поняла: просто так в эту Муху не попасть. Надо на курсы ходить. У нас в группе все на курсы ходили, эти препода теперь у них же экзамены принимают. Понимаешь, как всё устроено?..

— Ну нет, — спорила я, — должен быть шанс и у нас.

Пока шли экзамены, от волнения мы ничего не могли делать. Гулять по Петербургу было невозможно. Сил хватало только на то, чтобы добраться до общаги, сварить суп и пересказать друг другу новости.

Но вот экзамены кончились. Несколько дней предстояло ждать результатов.

— Сходили бы вы, девчонки, погуляли, хоть Питер посмотрели бы, — выпроводил нас дядя Володя.

И мы отправились развлекаться.

Невский проспект, Казанский собор. У Екатерининского сада Алёна захотела получить свой портрет в исполнении уличного художника. Она присела на стульчик и старательно позировала, а я перенимала опыт рисующего коллеги. Тот действовал в технике растушёвки масляной краски. Получалось ловко. Только вот глаза он сделал Алёне пошире, нос поменьше, а губы вышли словно накрашенные. По мере того как мы удалялись от лагеря художников с рисунком в руках, нам всё меньше казалось, что портрет имеет к Алёне какое-то отношение.

— Знаешь что? — сказала Алёна. — Хватит рисования. Давай пойдём и просто купим каких-нибудь платьишек. Говорят, тут есть какая-то Апрашка и на ней нормальные цены.

В атласе мы Апрашку не нашли, пришлось спрашивать у людей. А когда дошли до Апрашки и убедились, что это она, не могли понять, как попасть внутрь. В наших родных городах торговых рядов не было.

Отыскав вход, мы оказались на самом обыкновенном вещевом рынке. Крытые палатки чередовались с уличными прилавками. Ассортимент обыкновенный — пожалуй, такие же платья мы могли отыскать хоть в Ноябрьске, хоть в Сибири, но начало было положено и мы хотели завершить начатое. Мы направились к одному из крытых павильонов. Слева у входа